

Светлана Алешина

Подсадная утка

*Часть сборника
Темная связь (сборник)*

Папарацци

Светлана Алешина

Подсадная утка

«Научная книга»

2005

Алешина С.

Подсадная утка / С. Алешина — «Научная книга»,
2005 — (Папарацци)

«...Ровно через полчаса после Каткиного звонка я стояла перед дверью ее квартиры в предвкушении сытного и вкусного обеда (Катка превосходно готовила) и чего-то «интересненького», как она выразилась. Только вот дверь она мне открывать не торопилась. Надавив на кнопку звонка еще раз, я в задумчивости опустила руку на дверную ручку. Дверь под нажимом руки подалась, и моему взору предстала ужасная картина: в прихожей ярко горела люстра, освещая чисто вымытый пол, на котором лежала Катка. Почти в самом центре груди торчала рукоятка ножа. Крови было немного, наверное, потому, что убийца не вынул нож, а оставил его в теле...»

© Алешина С., 2005

© Научная книга, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Светлана Алешина

Подсадная утка

Глава 1

Утро выдалось пасмурное и дождливое. Да и что удивляться – конец октября. На родине Харольда, в Германии, в это время тоже идут дожди, люди также поднимают воротники своих плащей и курток и также в целях согрева балуются спиртным.

Хотя надо заметить, что Харольд был ранее гражданином дружественной нам в эпоху застоя Восточной Германии. Но с тех пор, как две Германии усилиями Горбачева и всего мирового сообщества удалось соединить в одно целое, Харольд успел нахвататься западной мудрости своих немецких братьев, от которых его с такой нелепой жестокостью отделяла знаменитая Берлинская стена. Отец Харольда, будучи соотечественником Шопена, приехал в Германию из Кракова. Познакомившись с некой Ханной Шлессер, он вскоре женился на ней. Ханна обитала вдвоем с мамой в симпатичном домике на окраине Лейпцига. Таким образом Харольду посчастливилось стать земляком Баха. Харольд не посрамил своего родного Лейпцига, он прекрасно разбирался в музыке, хотя в его суждениях о том или ином музыканте порой слышалась интонация пресыщенного чванливого сноба. Он объяснял это самому себе следствием высококоразвитого утонченного вкуса и крайне острой восприимчивостью, которая заставляла его с отчаянной силой страдать, когда, например, соната Баха си-минор – светлая грустная мелодия – исполнялась недостаточно проникновенно, вдумчиво и тонко.

Тарасовские оркестры Харольд ненавидел лютой ненавистью. Его пылкое сердце поэта и меломана негодовало по поводу присущей им топорной манеры исполнения произведений его гениальных соотечественников. Тем не менее он покупал дешевые аудиокассеты с записями концертов классической музыки, руководствуясь непонятно каким мотивом. Здесь его хваленая немецкая прагматичность уступала напору его немецкого романтического духа, родственного дерзким порывам Новалиса и Гофмана проникнуть в святую святых героической сказочной метафизики, замешанной на терпкой барочной символической.

Харольд работал журналистом в местной лейпцигской газете. Его многопрофильный талант позволял ему освещать в газете сразу несколько рубрик – экономическую, социальную и культурную. Лет восемь назад он решил подвизаться на творческих командировках в восточном направлении. Его польские корни влекли его к братьям-славянам. Этот смутный, но неотступный зов, звучавший в его душе подобно легкому и поэтичному анданте Моцарта, заставил его на несколько лет переехать в Россию, где он неплохо выучил русский язык, хотя никак не мог избавиться от характерного немецкого акцента и нередко путал склонения и спряжения глаголов. Он побывал в Татарстане, Узбекистане, Тюмени, на Дальнем Востоке и нигде не посрамил почетного звания журналиста местной лейпцигской газеты.

В Тарасов Харольда привели его немецкие корни, которые, несмотря на время и расстояние, тесно сплелись с корнями поволжских немцев. Он возглавлял отдел культуры в газете «Немцы Поволжья», редакция которой располагалась в тарасовском «Немецком доме».

Проведя вечер и часть ночи с одной из местных красоток, Харольд вторую половину ночи беспокойно проворочался, но так и не уснул. В двухкомнатной комфортабельной квартире, снятой им на улице Шевченко, стояла теплая (благодаря включенному отоплению) тишина. Уже начало светать, а серые глаза Харольда по-прежнему смотрели в потолок. Он никак не мог понять, откуда эта бессонница. Выпитый кагор, душевные разговоры, воспоминания о Лейпциге, хороший секс – казалось, что еще надо для отличного крепкого сна? Ан нет! Сексом Харольд занимался так же охотно, как и плаваньем, и чувства испытывал примерно такие же,

как при удачном заплыве. Порой эти непонятные славянам по своей северной простоте чувства имели оттенок спокойного удовлетворения, какое, например, Харольд испытывал после порции хорошо приготовленных пельменей или ежеутренней и ежевечерней чистки зубов. Девушек он использовал наподобие зубных щеток, призванных обеспечить ему свежее дыхание, отличное самочувствие и бодрый жизнерадостный настрой. Для здоровья, одним словом, физического и морального.

Это не исключало интеллектуальных бесед, совместного прослушивания какой-нибудь фуги Баха, разговоров на исторические, культурные или этнические темы с широким обсуждением наболевших проблем. Но конечный результат был один и тот же – насладившись со знанием дела спелым телом очередной студентки или парикмахерши, Харольд вызывал ей такси. Он предпочитал спать один. Довольно узкая кровать, на которой с трудом умещалось его огромное сильное тело, была лишь дополнительным мотивом для таких ночных проводов девушек, самые наивные из которых были уже близки к мысли, что им удалось навсегда пленить закаленное в условиях эмоциональной мерзлоты и глухоты сердце «белокурой бестии».

Но не тут-то было: Харольд был неуязвим для прекрасных глаз и стройных тел наших предприимчивых соотечественниц. Короткие красивые романы были его хобби. Романтика причудливо сочеталась в его образе жизни с самой заурядной капиталистической заботой о здоровье, поэтому эта затяжная бессонница, рисовавшая под его глазами темные круги, не на шутку беспокоила его. Не в силах больше валяться в кровати, он встал, натянул синий махровый халат и взял с полки плеер. Вставил кассету с «Временами года» Вивальди и, плюхнувшись в глубокое низкое кресло, принялся слушать. Часы на стене показывали без пяти шесть.

«Вивальди слишком патетичен для шести утра», – подумал он и сменил «Времена года» на Шопена.

Глаза Харольда непроизвольно закрылись, он погрузился в созерцание причудливого плетения шопеновской меланхолии. Харольду чудился запорошенный снегом старый замок, стаи белых хлопьев кружились в такт неспешной грустной мелодии, льющейся из-под пальцев Ван Клиберна. Незаметно тихая нежная мелодия стала соскальзывать со слуховой оси Харольда в сонное безмолвие. На периферии сознания еще трепетали легкие, как сажающиеся на кровлю заброшенного замка снежинки, аккорды. Харольд казался самому себе снеговой громадой, медленно уходящей под воду. Еще одна нота, о, как она дрожит, навстречу ей спешит другая, смывающая первую, как приятно она щекошет слух, как...

Дверной звонок смел тягучую грусть шопеновской сонаты. Харольд вздрогнул и открыл глаза. В комнате было светло. Раздвинутые шторы позволяли утру беспрепятственно проникать в комнату. Серое небо без всякого любопытства заглядывало в нее. Часы показывали половину одиннадцатого.

Харольд поспешил в прихожую. Звонок заголосил с новой силой. «Какого черта поставили такой резкий звонок?» – мысленно задался вопросом Харольд, подходя к двери. «Глазка» не было.

– Кто? – опасливо спросил он.

– Доброе утро, это я, – ответил глухой мужской голос, – мы с вами вчера по телефону договаривались насчет одной вещички.

– А, Гера, – голос Харольда потеплел, – сейчас, подожди.

Харольд отпер пару «трудных» замков и впустил визитера.

* * *

Сегодня мне предстояло посетить «Немецкий дом», где должен был играть приехавший в Тарасов струнный квартет из Берлина; после концерта предполагался фуршет в «неформальной» обстановке.

Я сидела в удобном кресле элитного «Имидж-салона», носящем имя своего основателя и ведущего стилиста Артема Повелко, а над моей головой колдовала мастер салона Любаша Чуркина, создавая мне прическу в стиле «Гранж». Дело подходило к концу, и я уже представляла себя этакой раскрепощенной дивой, пренебрегающей условностями, каковой, впрочем, в глубине души и была.

Просторный зал салона своими современными креслами с гидравлическими подъемниками и колонками для мойки несколько напоминал стоматологический кабинет. Высокие зеркала без рам, закрепленные меж массивными никелированными стойками, лишь немного приглушали это впечатление. Да еще картина на голой белой стене, изображавшая двух задумавшихся ангелочков с маленькими, как у воробышек, крылышками и одинокая пальма в белой пластиковой кадке.

Музыка из фильма «Криминальное чтиво», под которую танцевали герои Траволты и Турман, доносившаяся из спрятанных где-то динамиков, то и дело прерывалась рекламой, примерно с такими словами:

А кто нам может жить красиво запретить:
Стирать и гладить, жарить мясо и варить?..

И так далее... Я представила себе нашу продвинутую домохозяйку, которая просто тащится только от того, что стирает в супермашине «Индезит» или даже испытывает оргазм, заглаживая складки на брюках своего благоверного утюгом «Филипс». Ведь это он, ее милый – преуспевающий бизнесмен, – обеспечивает ее всеми последними достижениями домашней техники. Не беда, что сам благоверный в это время отрывается по полной программе с какой-нибудь сексапильной продавщицей из супермаркета, зато дома – шик и блеск, и к его приходу из микроволновой печки «Мулинекс» подается на стол жареная свинина или утка по-пекински.

Вообще-то работа журналиста, наверное, сделала меня несколько циничной, но это совсем не мешало мне осуществлять стратегическое руководство собственным еженедельником «Свидетель», который с каждым номером увеличивал свой тираж, публиковать собственноручно сделанные шокирующие обывателя фото и, между делом, проводить журналистские расследования, результатом которых становились сенсационные статьи.

Любаша уже делала последние штрихи, проводя по моим волосам щеткой из щетины дикого кабана, придававшей им блеск, когда в кармане моего пиджака проснулась «Моторола». Вопросительно взглянув левым глазом на Любашу, потому что правый закрывали волосы, и увидев ее разрешающий кивок, я достала трубку и приложила к уху. Такой чести – иметь номер моего мобильного – удостаивались немногие, но Катерина Фадейкина входила в их число, потому что, во-первых, была моим личным стоматологом, а во-вторых, – подругой, с которой всегда можно было похохмить и расслабиться. Она работала в престижной клинике, оснащенной самым современным оборудованием, но дело было даже не в оборудовании, а в ее отношении к клиенту: внимательном, прямо-таки нежном и веселом. У Катки была куча поклонников из ее клиентуры, а так как заведение было дорогим, то и ее клиенты, а соответственно и ухажеры были не из бедных. Они просто выпадали в осадок, видя ее ослепительно белое лицо с задорно вздернутым носиком и по-кошачьи вытянутыми синими глазами в обрамлении черных волос.

– Привет, Лелька, – затараторила она. – Давай встретимся, есть кое-что интересненькое для тебя. Когда сможешь прийти? Хорошо, если бы прямо сейчас. Правда, еще мой племянничек должен забежать, но он, как всегда, ненадолго – перекусит, стрельнет полтинник и – Ванькой звали.

Каткиного племянника действительно звали Ванькой – Иваном Веретенниковым. Его родители погибли в автокатастрофе, когда ему было шестнадцать. После этого он стал пить,

попал в какую-то компанию и в восемнадцать загремел под суд за воровство. Катька приложила немало усилий и денег, чтобы ему дали условный срок. После этого он стал как от огня бегать от ментов, тихо-мирно пропивал свою зарплату художника-оформителя и работал в подвале школы, директор которой опять же был Катькиным клиентом и плату за аренду брал с него чисто символическую – плакатами к праздникам и оформлением доски объявлений.

Я посмотрела на часы – до намеченного на сегодня мероприятия оставалась еще уйма времени.

– Хорошо, Катерина, – согласилась я, – думаю, смогу подойти к тебе через полчаса.

– Не обедай, – предупредила Катька, – вместе поедем. Я только пришла – голодная как черт, так что не задерживайся.

– Ладно, – усмехнулась я про себя, – постараюсь побыстрее.

Так как маникюр мне уже сделали, я практически освободилась. Заплатив в кассу по прейскуранту, я сунула Любашке «на чай» и бросила напоследок оценивающий взгляд в зеркало. Темно-голубой приталенный пиджак и штанишки «Big star», обтягивающие мои длинные ноги – вид что надо! Немцы просто упадут, увидев меня. Я сняла с вешалки «Никон» на ярко-желтом ремне, с которым старалась никогда и нигде не расставаться, и накинула на плечо.

Ровно через полчаса после Катькиного звонка я стояла перед дверью ее квартиры в предвкушении сытного и вкусного обеда (Катька превосходно готовила) и чего-то «интересненького», как она выразилась. Только вот дверь она мне открывать не торопилась. Надавив на кнопку звонка еще раз, я в задумчивости опустила руку на дверную ручку. Дверь под нажимом руки подалась, и моему взору предстала ужасная картина: в прихожей ярко горела люстра, освещая чисто вымытый пол, на котором лежала Катька. Почти в самом центре груди торчала рукоятка ножа. Крови было немного, наверное, потому, что убийца не вынул нож, а оставил его в теле. Она сочным алым пятном расплылась по желтому шелку короткого халатика, из-под которого торчали ноги, одна из них была неестественно подогнута. В том, что она мертва, не было никаких сомнений. Ее вздернутый носик заострился, прядь черных волос упала на лицо, синие глаза были раскрыты и безжизненно смотрели в потолок.

Я чуть не забилась в истерике рядом с еще теплым телом своей подруги, но тут же собралась, сжала волю в кулак и стиснула зубы. Надо срочно вызвать милицию! Убийца не мог далеко уйти. Дрожащими руками я достала «Моторолу». Горя негодованием и злобой на преступника и в то же время сокрушаясь о Катьке, я позвонила в милицию, назвала адрес подруги. В ожидании опергруппы, я еще раз осмотрела прихожую, но в квартиру не пошла, зная, что преступник мог оставить там свои следы. Хотя мне почему-то казалось, что он дальше прихожей и не заходил. Уже потом, когда приехала опергруппа и кинолог с собакой, подтвердилось, что это действительно так.

Собака, обнюхав рукоятку ножа, покрутилась у входа, ткнулась было мне в колени, но потом уверенно потянула проводника – молодого сержанта с длинным лицом – вниз по лестнице. Оставив тело Фадейкиной в прихожей до приезда криминалистов, мы с капитаном Сорокиным и еще одним сержантом прошли на кухню, где на плите вовсю бушевал чайник, а рядом с ним на сковороде уже догорали котлеты, от которых Катерину оторвал преступник. Я выключила горелки и сгребла обугленные котлеты в мусорное ведро, поставив сковороду в раковину под струю воды. Она зашипела, заполняя кухню паром с запахом гари, и без того распространявшейся чуть ли не на лестничную площадку.

Капитан открыл форточку и пригласил меня в гостиную, где было тепло и уютно и ничто не напоминало об убийстве. Только дошедший и сюда запах сгоревшего мяса.

– Жирмунский, – капитан посмотрел на сержанта, стоявшего у входа в гостиную, – сходи-ка за понятиями.

Капитана звали Александром Петровичем. На вид ему было года тридцать два, но в лице его была какая-то усталость, словно он все свои тридцать два года грузил вагонетки углем. Он

устроился за столом и, раскрыв серую папку, достал оттуда стопку чистых листов и простую шариковую ручку без колпачка.

Я почти без сил опустилась в кресло у телефона, рядом с которым лежала маленькая записная книжка. Взяв ее в руки, я зачем-то пролистала ее, ничего не видя, потому что строчки расплывались у меня перед глазами, и машинально сунула к себе в карман.

Пока Александр Петрович снимал с меня показания, вернулся сержант с овчаркой.

– Ну что там? – не отрываясь от своих записей, спросил Сорокин.

– Час пик, товарищ капитан, – виновато ответил сержант, – Грей потерял след на остановке. Видимо, преступник уехал на трамвае.

– В каком направлении?

– В сторону железнодорожного вокзала.

– Ладно, – махнул рукой капитан, – подняв, наконец, голову от стола, – можешь идти.

Подав команду Грею, который во время разговора, как сфинкс, сидел у его левой ноги, сержант вышел из гостиной.

– У покойной есть родственники? – спросил капитан, закончив с официальной частью.

– Родители в деревне, – ответила я.

– Вы знаете их адрес?

Я отрицательно покачала головой.

– Ладно, – устало вздохнул капитан, – труп заберем в морг, родителям сообщим, квартиру опечатаем до их приезда, ключи будут у меня. Да, собственно, это вам ни к чему.

Когда мы выходили из квартиры, тело Катерины уже увезли. Капитан собственноручно запер дверь ключами, найденными в сумочке, наклеил на дверь бумажную полоску с печатями и повернулся ко мне.

– Может быть, придется вас еще раз побеспокоить, – сказал он. – Вот моя визитка, если что-то вспомните – позвоните, – Сорокин повернулся и пошел вниз.

Я рассеянно кивнула и отправилась следом за ним. Я рассказала капитану все как было, умолчав только о том, что Катерина упоминала о племяннике.

Почему я не сказала о том, что к Фадейкиной должен был зайти Иван? Во-первых, у него была хоть и условная, но судимость. А к этой категории граждан менты относятся с явным предубеждением. Во-вторых, не факт, что он к ней заходил. А в-третьих, я его встречала у Катки не один раз и понимала, что на убийство он просто не способен. Он не был дураком, разбирался в живописи, брал у Катки книги, которые в обязательном порядке возвращал, просто не сложилась у человека жизнь. К чему ее еще осложнять нелицеприятным общением с органами? В общем, не сказала и не сказала, но для себя решила, что непременно к нему забегу, как только выдастся свободная минутка. Вдруг он видел что-нибудь подозрительное. Если, конечно, приходил.

Глава 2

Было уже около пяти, когда я остановила свою «Ладу» на стоянке возле редакции. Мне необходимо было выговориться или даже поплакаться кому-нибудь в жилетку, а лучше всего для этого подходил мой зам. Не то чтобы у меня не было подруг или друзей, но в данном случае Кряжимский, прошедший огни, воды и медные трубы журналистики, как никто другой, мог поддержать, дать дельный совет и просто молча выслушать меня.

Конечно, я уже взрослая девочка и за свою жизнь не раз была свидетелем смерти и похорон, но с близкой подругой расставаться мне приходилось впервые. Я прошла мимо Марины, которая тут же с восхищением встретила мою новую прическу, грустно кивнула ей в ответ на ее приветствие и попросила кофе.

Сергей Иванович Кряжимский – мой зам, который в мое частое отсутствие фактически руководил еженедельником, сидел, как обычно, за моим столом, стуча двумя пальцами по клавиатуре «Пентиума». Увидев мою трагическую физиономию, он сразу понял, что произошло что-то из ряда вон, и поднялся мне навстречу. Я села на кожаный диванчик, возле которого стоял столик, и закрыла лицо руками. Все эмоции, распиравшие меня с того самого момента, когда я увидела труп Катерины, бурным потоком слез вырвались наружу.

Мудрый Кряжимский не стал сразу же бросаться ко мне с вопросами, понимая, что в таком состоянии человек не способен внятно выражать свои мысли. Он подождал несколько минут, пока пройдет первая, самая бурная волна, и, заметив окно в моей истерике, спросил:

– Ну, что случилось?

Его сдержанный и в то же время проникновенный голос почему-то вызвал во мне новую волну сострадания и жалости к Катьке, воспоминания о наших авантюрах нахлынули на меня, смывая все прочие образы, бывшие в моей памяти.

Марина принесла кофе и печенье и испуганно замерла, переводя взгляд с меня на Кряжимского. Он выпроводил ее жестом, мол, все объяснения потом, и она, немного обиженная, что ее не допустили к подруге, вышла за дверь.

– Ну, успокойся, успокойся, – Кряжимский гладил меня по голове.

Но этого только и ждало то звонкое и тонкое во мне, что готово было без конца плакать, рваться и разбиваться вдребезги. Прошло, по крайней мере, минут пятнадцать, прежде чем я смогла говорить.

– Мою подругу, Катьку, помните, я вам о ней рассказывала, убили, – на одной ноте скороговоркой произнесла я, боясь, что если заторможу, остановлюсь, то тогда уж новый поток слез и судорожных рыданий не даст мне завершить фразу.

– Вот те на! – Кряжимский сокрушенно покачал головой. – Молодая такая. Как, как ты узнала?

– Она пригласила меня к себе, обещала рассказать что-то интересненькое, как она всегда говорила. Ну, я подумала, может, очередной кавалер завелся... Прихожу, звоню, а Катька мне...

Я почувствовала в горле спазм, проглотила комок слез и, всхлипнув и содрогнувшись всем телом, сдавленно произнесла:

– ... не открывает. Я дверь толкнула, а она в прихожей лежит с ножом в груди. О господи! – Я закрыла лицо руками и снова разревелась.

Мне казалось, что все это какой-то тягучий сон или затяжной обморок. Настанет момент, и я проснусь или приду в себя, и то страшное и непоправимое, что явилось мне в ядовитом мареве непроницаемой для внешних явлений летаргии, рассеется вместе с этим маревом, и Катька, задорно смеющаяся и по-кошачьи шурящаяся от удовольствия, жизнерадостная болтливая Катька призывно замашет мне рукой. Но сон не спешил сбрасывать свою зловещую ман-

тию с реальности, к которой стремилось все мое существо. Вернее, реальность и сон поменялись местами или слились воедино – в смерть Катьки.

– Кто же это ее? – сострадательным тоном спросил Кряжимский.

– Да если б я знала! – Во мне снова закипело негодование. – Ну кому она могла помешать, кому?!

Я опять сорвалась на крик, потом – на всхлип и еще долго не могла успокоиться.

– А ты не связываешь то «интересненькое», о чем она хотела поведать тебе, с этим... с этим... – замялся Кряжимский, – ... убийством?

– Я еще ничего ни с чем не связываю, – аналитическая раскрутка происшествия, которую, как я поняла, намеревался предпринять мой зам, показалась мне несвоевременной, а потому подействовала на меня раздражающе.

– Ну ты, хватит слезы лить, – по-отечески прикрикнул на меня Кряжимский, – милицию вызвала?

Его строгий голос немного отрезвил меня. Именно – отрезвил, ведь горе зачастую действует как алкоголь или наркотик. Люди упиваются печалью и горем не хуже, чем радостью и наслаждением.

– Вызвала. Собака была, но след потеряла. Преступник уехал на трамвае в сторону вокзала. Нет, я все-таки не пойму, за что? Может, с каким мордоворотом связалась, она рискованная была, часто толком не думала, с кем любовь крутила. Сто раз говорила ей, будь осторожна, узнай, что за бизнес у твоего нового бойфренда, где живет, женат – не женат, эх!

Я покачала головой. Кряжимский, казалось, о чем-то размышлял. Прошло какое-то время – я снова начала воспринимать реальность – и мне вдруг нестерпимо захотелось что-то сделать. Найти преступника и вцепиться ногтями в его заранее ненавистную мне физиономию, разодрать ее в клочья и бросить на съедение бродячим собакам, или придумать ему долгую и мучительную пытку, чтобы он страдал каждое мгновение и чтобы смерть показалась бы ему величайшим избавлением. Только вот для начала нужно было найти его.

Я в два приема выпила остывший кофе и пошла в туалет, чтобы привести себя в порядок. Ополоснув лицо несколько раз то горячей, то холодной водой, я почувствовала, что кровь прилила к щекам, и посмотрела на себя в зеркало. Моя новая прическа оставляла желать лучшего. Я наспех причесалась и вернулась в кабинет, где все еще сидел Кряжимский.

– Вот что, Сергей Иванович, – заявила я с порога, – я найду этого выродка, который убил Катьку.

– Такое твоё настроение мне больше нравится, – согласился он. – Только вот, как ты собираешься его искать?

– Катька мне сказала, – я заново начала вспоминать наш разговор по телефону, – что у нее есть что-то интересненькое, и сказала еще, что только что пришла домой. Для начала попробую установить, где она была перед этим. Если это связано с ее работой, покручусь у нее в клинике, поговорю с теми, кто работал с ней, может, кто-нибудь заметил что-нибудь необычное в ее поведении.

Я достала пачку «Винстона», вынула сигарету и закурила.

– Да, – вспомнила я, – нужно будет навеститься к ее племяннику – она сказала мне, что он обещал к ней зайти. Но что-то я его там не видела.

– А не мог он... – предположил Кряжимский, но не договорил.

– ...убить Катьку? – закончила я за него и сама же ответила: – Нет, Ванька не такой человек.

– Можешь объяснить, почему? – не отставал Кряжимский.

Сначала я собиралась огрызнуться на него, мол, чего пристал, но потом мне захотелось и для себя сформулировать то, что интуитивно я как бы знала – неспособность Ивана убить человека, тем более человека близкого, собственную тетку. Хотя родство – это известно – почти

никогда не было тем фактором, который мог бы остановить убийцу. Потому я ответила Сергею Ивановичу почти спокойно:

– Попробую.

– Попробуй, – подзадорил он меня.

– Веретенников, как мне кажется, по-родственному любил Катьку. Она и была старше его всего на несколько лет, но после смерти его родителей взяла большую часть заботы о нем на себя. Спасла его от тюрьмы, помогла устроиться в училище на художника-оформителя, потом подыскала ему место для работы, за аренду которого почти не нужно платить. – Я затянулась и стала перечислять дальше: – Всегда помогала ему деньгами, несколько раз в неделю он у нее обедал... Что, этого мало?

– Не знаю, – Кряжимский неопределенно пожал плечами, – все, что ты перечислила, конечно, хорошо, но...

– Что но, Сергей Иванович? – раздраженно спросила я.

– То, что все прекрасные качества твоей подруги не спасли бы ее, если бы Ивану для чего-то понадобилось ее убить.

– Но для чего? – вспыхнула я. – Из квартиры даже ничего не пропало.

– Ты в этом уверена? – спокойно продолжал Кряжимский.

– Да, – с жаром ответила я, – собака даже не пошла в квартиру, покружилась по прихожей, и все.

– Это веский аргумент, – согласился Кряжимский, – тогда можно предположить, что твою подругу убили из мести.

– Кому же она могла помешать?

– У нее были кавалеры?

– Этого добра у нее было предостаточно, – невесело усмехнулась я, – на недостаток поклонников она не жаловалась.

– Среди них, может быть, были женатые... – предположил Кряжимский.

– Вы думаете, – я загасила окурков в пепельнице, – что Катьку могла убить жена ее любовника?

– Жена или другая любовница, которую бросили ради твоей подруги.

– Тогда это должна была быть очень сильная женщина, – медленно сказала я, – нож был всажен в тело по самую рукоятку.

– Человека не так уж сложно проткнуть, – возразил Сергей Иванович, – если только острие не попадет точно в кость. Если же лезвие попадает в мышцы или скользит по ребру, то нож входит в тело как в масло.

Меня передернуло от таких подробностей, но я не дала себе снова раскиснуть.

– Можно подумать, вы это проделывали сами, – все же возразила я.

– Самому не приходилось, но у меня сосед – отставной полковник ГБ, он как-то за рюмкой чая делился со мной...

– Значит, вы считаете, что это могла быть и женщина?

– Я думаю, что не нужно исключать такую возможность, – Кряжимский поднялся и направился к двери. – Я кофе выпью, ты будешь?

– Конечно.

Сергей Иванович сам принес две чашки кофе, на столике еще стояла вазочка с печеньем, которую принесла Марина. Я отломил кусочек и только тогда поняла, что жутко проголодалась. Немудрено – прошло почти девять часов после завтрака. Запивая печенье кофе, я с аппетитом умяла почти все, которое было в вазочке, и закурила.

– Оля, – обратился ко мне Кряжимский, после того как сделал несколько глотков кофе, – а в какое место ударил преступник Катю?

– Нож торчал почти в самом центре груди, – сказала я, – наверное, прямо в сердце.

– Да-а, – протянул Кряжимский, – скорее всего это был мужчина.

– Почему вы так думаете?

– Представь, – сказал Кряжимский, – женщина, которая собирается отомстить своей сопернице, приходит к ней домой. Где она будет держать нож?

– Ну, – я представила себя в роли мстительницы, – где-нибудь у бедра...

– Вот именно, – подхватил Кряжимский, – у бедра и, заметь, лезвием вниз, примерно так, как держат нож, когда шинкуют капусту. Из такого положения можно нанести удар только в район живота, но никак не в грудь, понимаешь? Значит, удар был нанесен сверху, с замахом, очень быстро, потому что Катя даже не успела защититься. Если бы так была женщина, ее движения не были бы такими резкими, и, возможно, тогда твоя подруга успела бы как-то заслониться от удара.

– Выходит, что версию с мстостью нужно отбросить?

– Это только мое предположение, – сказал Сергей Иванович, – решать тебе. Кстати, – он поднял на меня вопросительный взгляд, – ты собираешься в «Немецкий дом»?

– Не знаю, – поморщилась я словно от зубной боли, – как-то не до этого.

– Я бы на твоём месте пошел, – сказал он, – во-первых, немного развеешься, прочистишь мозги, во-вторых, будет материал для газеты, а в-третьих, жизнь продолжается, даже когда нас покидают наши родные и друзья. А если ты собираешься к тому же разыскать убийцу твоей подруги, то тебе просто необходимо быть в норме.

Мудрый и хитрый Кряжимский знал: ничто не бодрит меня и ничто не улучшает мой тонус так, как работа. Работа, иногда связанная с риском, иногда с неудачами или невезением, но всегда держащая в напряжении и не позволяющая расслабляться.

– Тогда мне пора, – согласилась я, – нужно еще привести себя в порядок.

– Давай, Бойкова, – подбодрил меня Сергей Иванович и легонько похлопал по спине.

* * *

Вернувшись домой, я долго перебирала свои наряды, которых, в сущности, у меня было не так уж и много – только самые необходимые. У меня не было ни одного длинного вечернего платья, а была парочка маленьких. Эти я сразу отложила в сторону – не тот случай, да и настроение не подходящее. Джинсы – тоже в сторону. Наконец, я подошла к зеркалу и, посмотрев на свою причёску, остановилась на костюме из черной шерстяной ткани в тонкую синюю полоску с однобортным приталенным пиджаком и свободными брюками. Под пиджак я надела черную блузку. На ноги – черные кожаные полусапожки на шпильке.

Сумочку я выбрала относительно большую, которая, кроме косметики, могла вместить диктофон и на всякий случай блокнот и пару ручек. Ну вот и все. Есть мне после печенья не хотелось – в крайнем случае перекушу после официальной части на фуршете. Подкрасив губы и глаза, я посмотрела на часы – до назначенного времени оставалось еще полчаса – и, взяв с собой «Никон», вышла к машине. Мне нравилось приходить на такие мероприятия заранее и наблюдать, как приходят гости. Кто с кем. И, конечно, фотографировать. Это было одним из самых любимых моих занятий, которое приносило мне необыкновенное удовлетворение.

Я вспомнила свой первый фотоаппарат – старенький компактный «ФЭД», который я купила с рук по случаю. Его я сменила на «Зенит» с «Гелиосом» и уже много позже, когда мне удалось заработать кучу денег, я приобрела себе «Никон», у которого были почти безграничные возможности. Он позволял снимать против света и почти в полной темноте, автоматически перематывал пленку, а его объектив мог приближать объект почти в десять раз.

* * *

На стоянке возле «Немецкого дома» выстроился ряд дорогих иномарок, слегка разбавленных нашими отечественными авто. Я припарковала машину возле белого «БМВ» последней модели и, бросив взгляд в зеркало, вышла на улицу. Обычная вечерняя иллюминация, характерная для нашей провинциальной столицы Поволжья, возле «Немецкого дома» была дополнена двумя белыми шарами, освещающими мокрый асфальт и стены здания сентиментальным розовым гелием. Опорой шарам служили квадратные в плане каменные столбы. Фасад дома изнемогал под тяжелыми праздничными гирляндами.

Выходя из машины, я видела, что возле входа толкуются разодетые – кто провинциально, кто с европейским шиком – люди. Их оживленная болтовня, раскованные жесты, шумные возгласы и пожимание рук вкупе с дружеским похлопыванием по спине создавало впечатление какого-то веселого заговора расшалившихся взрослых. Попалось мне и несколько постных вытянутых физиономий ханжей от искусства, обладатели которых чувствовали себя немного не в своей тарелке, вынужденные так тесно общаться с разбогатевшей чернью. Они считали себя носителями высокой духовности, подлинными знатоками своего трудного, но благородного ремесла и не были расположены делиться его секретами как с теми, кто вообще не имел к нему никакого отношения, так и с теми, кто только начинал пробовать свои силы на музыкальном поприще.

Я продефилировала мимо парочки таких застегнутых на все пуговицы и в буквальном и в переносном смысле старых гримз, неодобрительно косящихся на молодежную компанию – студентов из Германии, не видящих ничего зазорного в том, чтобы обмениваться впечатлениями, потягивая кока-колу из банок.

Я отошла на некоторое расстояние и, не в силах больше бороться с искушением, сфотографировала этих высокопорядочных горгон от искусства. Преподавалки музыки в консерватории – определила я их социальный статус и пошла дальше. В просторном, светлом, застеленном красными коврами (давно известно, что красный цвет придает происходящему на его фоне особую торжественность) холле толпился оживленный народ.

Я поздоровалась со своими коллегами – редакторами крупных тарасовских газет и фотокорреспондентами, обменялась полезной информацией с некоторыми из них, немного пофотографировала, затем, миновав длинный фуршетный стол, заставленный вкусной снедью и разнообразными бутылками, спустилась в гардероб и оставила там свое кожаное пальто. Я почувствовала жажду. Рядом с гардеробом находился уютный маленький бар, куда я и заглянула. Бармен был идеально выбритым и вежливым парнем лет двадцати семи, одетым в безукоризненную белую рубашку и черную атласную жилетку. Я практически не пью, но в данный момент мне захотелось выпить чего-нибудь покрепче морковного сока. Меня по-прежнему преследовало кошмарное зрелище распростертого в прихожей Каткиного тела. Я испытывала ужасную тоску.

Наблюдая за гостями, фотографируя, болтая с коллегами, я старалась избавиться от того тягостного чувства, которое свило себе гнездо в моем сердце, и, чтобы не дать ему пролиться потоком слез, я заказала очень сухой (с меня было достаточно моих мокрых глаз) martini. В баре сидела небольшая компания наших студентов, солидная пожилая пара с изборожденными морщинами лицами, поставленными голосами и отработанной дикцией преподавателей, одинокий франт лет сорока с одухотворенным ликом и жидкими, но аккуратно причесанными светлыми волосами и двое молодых мужчин, говорящих по-немецки.

Один из них был высок (я оценила его длинные ноги под столом и прямой торс над ним), статен, с приятными мелкими чертами лица, жесткими темно-русыми волосами. У него был густой сочный баритон. Он был одет в объемный синий джемпер крупной вязки и черные с

изумрудным отливом джинсы. Другой был в костюме с галстуком, невысок, подтянут, с гордым орлиным профилем и темными блестящими волосами. Он то и дело прикладывался к стоящему перед ним фужеру, где подрагивала жидкость светло-соломенного цвета. На столе лежал мобильник и книга в яркой суперобложке.

Я села за соседний столик и принялась неторопливо потягивать martini, слушая немецкую речь. Тот немец, что был в джемпере, сразу обратил на меня внимание. Его умные плутоватые глаза успевали следить за лицом собеседника и прогуливались по моему. При других обстоятельствах его деликатное, но вполне понятное поглядывание позабавило бы меня, но сейчас я была глуха к любому проявлению внимания ко мне со стороны противоположного пола.

Прошло минут пять, я заказала второй martini, к немцам под села рыжеволосая в мелких кудряшках девушка. Немка, подумала я, но, приглядевшись, поняла, что ошиблась. Широко-скулое веснушчатое лицо девушки и большие карие глаза выдавали в ней славянку. А когда я слышала русскую речь, то могла поздравить себя с отличной физиогномической практикой. К моему удивлению, мужчины тоже без особого напряжения перешли на русский. Они говорили с акцентом, но довольно свободно. Обсуждалась программа вечера. Девушка и мужчина в костюме выражали желание как можно быстрее услышать бардовское пение их собеседника. Он отшучивался, скромничал, плел что-то про Лейпциг, про школу.

– Да ладно тебе, Харольд, – смеялась девушка, – все мы знаем, как славно ты поешь...

«Спой, светик, не стыдись», – мысленно спародировала я ее.

– Да, – самодовольно улыбнулся русоволосый бард, – Германия – это не только фило-софы или Гитлер, Германия, – он торжественно поднял руку и многозначительно посмотрел в потолок, как будто там как на экране промелькнула вся история его родины, – это страна Бетховена и Баха, Гёте и Гейне.

– Да никто про Гитлера и не говорит, – воскликнула девушка.

– Есть у вас такой образ немца – ать– два, железная каска, зиг хайль, – шутливо вытянул он правую руку вперед и вверх, – нацист убивает мирного крестьянина, топчет его, сжигает его дом, угоняет скот, жрет, пьет, насилует женщин, идет дальше...

Харольд невесело и даже с какой-то злобной горечью усмехнулся.

– Да, да, – подтвердил брюнет, – я не раз столкнулся с этим.

– Сталкивался, – с масляной улыбочкой поправила его девушка.

– Сталкивался, – обрадовавшись как ребенок правильно произнесенному слову, сказал брюнет.

– Вольфганг меньше меня занимался русским, – как бы в оправдание другу произнес своим сочным баритоном Харольд, – но он способнее меня. Спо-соб-не-е, правильно? – по складам произнес он.

– Совершенно правильно, – придурковато вытаращила глаза и улыбнулась рыжеволосая, – сравнительная степень прилагательных, – словно стих громко продекламировала она.

– Сегодня я буду петь песни, которые написал здесь. Мне очень нравится ваша зима. О ней я сложил три песни. В этих песнях, конечно, я вспоминаю и зимы, которые пережил в Лейпциге, пою там про заснеженный парк возле музея Баха.

– Как чудесно, – с романтическим блеском в глазах мечтательно произнесла рыжая, – а правда, что у вас с Вольфгангом абонемент в бассейн? Я ведь тоже была бы не прочь к вам присоединиться, – задорно хихикнула она.

– Прочь? – с идиотским видом переспросил Вольфганг. – Поди прочь, Ира?

– Ха-ха, а ты шутник, – весело посмотрела на брюнета Ира, – «не прочь» значит «не буду возражать», – серьезным тоном сельской учительницы сказала она.

Здесь я заметила быстрые, но красноречивые знаки, которые Харольд делает своему другу. Я поняла, что присутствие в бассейне Ирины для него крайне нежелательно. Наконец до

Вольфганг дошло. Он широко улыбнулся, точно собрался обольстить Ирину, и медоточивым голосом произнес:

– Мы бы с радостью сходили, Ира, с тобой в бассейн, но скоро уезжаем. – Как, так быстро? – потемнели глаза Иры, а по лбу пробежали тревожные морщинки.

– Дела. В этот раз мы сюда приехали ненадолго. Завтра уже в Москву улетаем. Я правильно говорю? – Вольфганг посмотрел не на Иру, а на Харольда. Было непонятно, что он имеет в виду под вопросом о правильности сказанного – грамматику русского языка или заведомое вранье.

– А что, если после концерта нам где-нибудь посидеть? – настаивала Ира.

– Посидеть? – задумчиво переспросил Харольд и бросил на меня еще один долгий и красноречивый взгляд.

«Приемы обольщения интернациональны», – холодно заключила я, мартини, казалось, сделал меня еще трезвей и печальней.

– Нет, Ира, к моему глубокому огорчению, я не могу. Мне нужно дописать одну статью, – удрученно сказал Харольд, – а вот Вольфганг...

По той быстроте и безукоризненному прононсу, с которым была произнесена фраза, я догадалась, что барду не раз приходилось прибегать к ней, дабы культурно и вежливо, но довольно решительно остудить пыл очередной, едва успевшей нарисоваться поклонницы.

– Жаль, – устало выдохнула Ирина, поставив локоть на стол и подперев голову ладонью.

– Я тоже занят, – грустно сказал Вольфганг, – у меня деловая встреча.

Девицу явно интересовал Харольд, поэтому объяснения Вольфганга были излишними.

В этот момент я услышала пиликанье сотового. По инерции потянулась к сумке, но это верещал мобильный, лежавший на столе перед немцами. Харольд поднес трубку к уху и живо заговорил по-немецки. Мне удалось понять всего несколько слов и обрывки фраз.

Я поняла, что звонили Харольду из Германии, что-то требовали от него, потому что он как-то растерянно оправдывался. Потом пошла более спокойная речь. Обсуждалась, по всей видимости, какая-то сделка. Я слышала, как Харольд несколько раз произнес: «дорого» с вопросительной интонацией. После каждого повторения шли числа. Суммы назывались довольно крупные – десятки тысяч марок. Затем счет перешел на сотни тысяч. Харольд пытался что-то доказать. Так, так... Фраза, следовавшая за этим таинственным телефонным аукционом, пронеслась мимо моего сознания. Далее мне удалось расслышать, что речь идет об антиквариате. Да, о каком-то украшении. Мелькнуло определение «розовый». Камень, что ли? Потом – «золото». Дальше Харольд заговорил о каких-то фото. Потом закивал – похоже, стороны пришли к консенсусу. Я уловила еще несколько слов: «ноябрь», «наличные», «приеду», «Гамбург», «ждут».

Вот когда пожалеешь, что не знаешь иностранных языков.

А по поводу антиквариата, я вспомнила заметку, опубликованную в «Криминальном Тарасове». Речь там шла о недавнем убийстве некоего Вячеслава Козова, не последнего человека среди коллекционеров нашего города. Кроме того, что он собирал предметы старины, он реставрировал иконы, старинную мебель и часы. Из квартиры Козова были похищены самые ценные антикварные изделия. Предполагалось, что убийца был знаком с Вячеславом, потому что тот сам открыл ему дверь.

Вспомнилось мне это еще и потому, что этот Козов одно время был любовником Катерины и она не раз бывала у него дома. Их роман довольно быстро закончился, как, впрочем, и все остальные Катерины романы, но всплыл в моей памяти после того, как я прочла заметку.

Убийцу Козова так и не нашли, но поговаривали, что некоторые из похищенных вещей всплыли в Москве на рынке в Измайловском парке.

Мои приятели-коллеги уже довели до моего сведения, что нас сегодня будут угощать песнопениями немецкого барда-журналиста Михалика. После официальной части и концерта

классической музыки в камерном зале «Немецкого дома» должен был выступить Михалик, а потом – фуршет и милая салонная трепотня. Так что я была подготовлена.

Пока я предавалась воспоминаниям, девица покинула немецкий столик. Затем поднялся и Вольфганг. Не успела его широкая спина исчезнуть за поворотом к лестнице, как Харольд подошел ко мне. К этому я тоже была подготовлена.

– Вы позволите? – Он склонился над моим столиком.

Я из вежливости кивнула, хотя сейчас меня совсем не прельщало общение, тем более с представителем другой страны, который к тому же явно желал знакомства с продолжением.

– Прошу прощения, – начал он, – я не совсем хорошо говорю по-русски... Меня зовут Харольд.

– Очень приятно, – соврала я и в упор посмотрела на него.

За столом воцарилось молчание.

– Вы, наверное, фотокорреспондент? – через некоторое время спросил Харольд, глядя на мой «Никон». – Очень хорошая машина, – похвалил он.

Он был довольно настойчив, этот Харольд. Он явно знал, что нравится женщинам, не комплексовал по поводу своей одежды, хотя одет был довольно просто для торжества. Но бард – он и в Африке бард, не говоря уж о Германии, решила я. Потому и выглядеть должен соответственно.

– А вы сегодня будете петь? – чтобы как-то сгладить неловкое молчание, поинтересовалась я.

– Да, – кивнул он, – немного буду петь, а вообще-то я журналист.

– О чем же вы пишете?

– О русских, о немцах, об их взаимоотношениях, обо всем. – Он сделал рукой неопределенный жест.

В это время все потянулись в зал, как будто кто-то подал сигнал.

– Вы не сказали, как вас зовут, – напомнил мне немецкий бард, поднимаясь со стула.

– Ольга, – ответила я, довольная, что наконец отделаюсь от этого прилипалы.

Не то, чтобы он был навязчивым или чересчур фамильярным, нет, просто не хотелось мне ни с кем сейчас разговаривать.

Перед началом концерта выступил немецкий консул. Зрители тепло приняли артистов из Берлина, а под занавес выступил Харольд Михалик, неплохо исполнивший несколько песен собственного сочинения. Затем всех пригласили к общению в неформальной обстановке, то бишь к фуршетному столу.

Устроившись в уголке, я без труда «доставала» своим «Никоном» всех, кто меня интересовал, решив, что их имена, если это понадобится, узнаю у своих коллег после того, как напечатаю фотографии. Было уже десять часов, когда я решила, что впечатлений и снимков для репортажа у меня уже достаточно. Я поднялась и пошла в гардероб за пальто, кивнув на прощание Валерке из «Тарасовских вестей», который налегал на халявные выпивку и закуску на пару со своим братом по перу Женькой из «Культуры и жизни». Оба уже прилично набрались и едва держались на ногах.

«А ведь ребята могут получить под зад коленом от своих главных редакторов, если отколят здесь что-нибудь эдакое», – подумала я, надев пальто, и направилась к ним.

– Не достаточно ли вам, орлы? – потихоньку спросила я, оттесняя их от столов с выпивкой, и иронично заметила: – Что о нас могут подумать наши немецкие друзья?

Но как говорится, благими намерениями... Мои русские друзья, очевидно, не совсем правильно поняли меня, потому что Валера, который был немного трезвее своего приятеля, посчитал, что его хотят лишить законной халявы.

– Мать твою, Бойкова, – заплетающимся языком произнес он, да так громко, что его слышали в другом конце зала, – какого черта...

Он решительным жестом отстранил меня и снова ринулся к заветному столу. Женька бросился за ним. Правда, немного не рассчитал – развил слишком большую скорость – и врезался в Валерку. Валера еле удержался на ногах, замахал руками, чтобы сохранить равновесие, и едва не упал на фуршетный стол. Его подхватили сильные руки неизвестно откуда появившегося Харольда.

– У ваших друзей проблемы? – Он посмотрел на меня и понимающе улыбнулся.

– Да, – кивнула я, – есть немножко. Если бы вы им чуть-чуть помогли, я была бы вам очень признательна. Боюсь, как бы не произошел российско-германский конфликт...

Черт его знает, понял он меня или нет? Скорее всего понял, потому что, приобняв Валеру за плечи, повел его к выходу. Я же взяла под руку Женьку и направилась следом. Честь города была спасена. Но я не знала, что мне делать с этими алкашами. На ногах они еле держались. Достаточно было малейшего толчка, как они тотчас потеряли бы точку опоры, не говоря уж об ориентации в пространстве. Харольд предложил посадить эту сладкую парочку в такси и направить каждого по его адресу. Но не тут-то было: два приятеля начали сопротивляться нашим трезвым и своевременным действиям, подняли настоящую бучу, орали бог весть что, матерились на всю улицу Вольскую. На нас стали пялиться прохожие (благо их уже немного было), возмущенные вульгарным поведением моих распоясавшихся коллег. Если бы не физическая мощь Харольда, неизвестно, чем бы кончилось дело. В то время, как он пытался удерживать на ногах Женьку с Валеркой, прислонив их к стене дома, я ловила машину. Наконец, скорее всего купившись на мои длинные ноги и смазливую мордашку, водитель серой «девятки» остановил машину и призывно посмотрел на меня, не обращая никакого внимания на околodomную баталию. Я двусмысленно улыбнулась и подошла поближе.

– Как насчет «Ротонды»? – плотоядно ухмыльнулся коротко остриженный бугай, сидевший за рулем.

– Не возражаю, – лукаво сощурила я глаза, – только не мешало бы для начала подбросить до дома моих друзей.

Харольд, видя, что я остановила машину, начал теснить коллег-журналистов к обочине. Он был уже рядом. Парень в машине увидел, о ком шла речь, и вопросительно уставился на меня.

– Этих? – усмехнулся он.

– Угу. – Я приняла смелую позу.

– Давай. – Он вышел из машины и поспешил на помощь Харольду.

– Вот деньги, – сунула я бугаю пятидесятирулевку, – до городского парка.

– О'кей, – не моргнув глазом, парень затолкал в машину упиравшихся Женьку и Валерку, – а ты, цыпоська?

– А как же, – я открыла дверь и, к удивлению Харольда, села на переднее сиденье, – поехали.

– Ольга, – закричал Харольд, – ты куда?

«Девятка» резко стартанула, голос Харольда повис в промозглом ночном воздухе. Я высунулась из машины и, чувствуя в душе закипающую садистскую радость, послала Харольду воздушный поцелуй.

– Останови-ка здесь, – обратилась я к парню, когда мы уже почти подъехали ко Второй Садовой, – забегу к подруге.

– Да ладно тебе, – парень недовольно насупился.

Валерка и Женька подозрительно молчали. Потом Женька как-то обиженно спросил:

– Бойкова, ты куда нас тащишь?

– Ха-ха, – рассмеялся водитель, – ну, мужики, вы даёте!

– Фрицу какому-то нас спихнула, – прогнусавил Валерка.

– Не волнуйтесь, мальчики, через пару минут будете дома пить чай с баранками. А мне нужно за Ленкой сгонять, нас, – я лукаво скосила глаза на бугая, – ждет сумасшедшая ночь, правда?

– Ну, ты – огонь! – восхищенно присвистнул бугай. – Меня Жорой зовут, а тебя?

– А ее Олей, – дурашливо проблеял Валерка.

– Ну вы, двое из ларца, заткнитесь, – скомандовала я, – Жора тормозни-ка здесь.

– А может, вначале этих придурков отвезем, а потом за Ленкой?

– Да я боюсь, как бы она не слиняла или спать не легла. Я мигом. А ты пока с этими пообщайся, – пренебрежительно махнула я рукой в сторону своих коллег-журналистов.

– Ты кого это придурками назвал?! – вызывающе заорал Валерка.

– Сядь мужик, не суетись, не порть программы, – с иронией сказал Жора, останавливая «девятку» на троллейбусной остановке. – Только одна нога – здесь, другая – там, – осмелился поставить он мне условие.

– Не переживай, Жорик, – разошлась я, – нам ничто не сможет помешать!

Спиртное, что ли, забродило во мне жаждой авантюры и театрального действия, только я гордо вышла из машины и, хлопнув дверцей, с ленивой кошачьей грацией направилась во двор десятиэтажного дома, тянувшегося на целый квартал.

– А побыстрее? – фамильярно крикнул мне вдогонку парень.

– У меня каблуки высокие, – томно протянула я, еле сдерживая приступ хохота.

«Нервы совсем расшатались», – подумала я, заворачивая за угол.

Как вы уже, наверное, догадались, я не вернулась в машину, где меня ожидали Жора и два моих «приятеля», ни через пять, ни через тридцать пять минут. Более того, выйдя с другой стороны двора, я поймала машину и без проблем доехала до «Немецкого дома», рядом с которым мокла под дождем моя «Лада». Довольная хотя бы тем, что мне удалось одним ударом избавиться сразу от нескольких мужчин, я вернулась домой, и первое, что сделала, – залезла под горячий душ.

Глава 3

Конечно, для многих работа, карьера – это главное в жизни, и они прикладывают неимоверные усилия, чтобы достичь вершин мастерства, добиться очередного повышения, кого-то обскать, кого-то подсидеть, а кого-то и просто оклеветать. Я не относилась к их числу, и в принципе мне моя работа нравилась. Но, в отличие от многих других, у меня не было надобности рваться ввысь – я и так занимала самое высокое положение в своей фирме, не нужно мне было также бояться, что меня кто-то обойдет – это в принципе было невозможно, опять же по вышеизложенным причинам, мне оставалось только совершенствоваться, увеличивать тираж, добиваться того, чтобы с моей газетой считались. Несмотря на то, что практическое руководство еженедельником осуществлял Кряжковский, я и это записывала себе в заслугу: не так-то просто найти человека, способного четко и одновременно вдохновенно воплощать твои идеи в жизнь. А идеи все-таки были моими.

На следующее утро после концерта в «Немецком доме» я заехала в редакцию, чтобы подкинуть Сергею Ивановичу несколько свежих идей, в том числе и о том, как нам улучшить работу с читателями. Перед тем как идти к Кряжковскому, я зашла к Виктору – нашему фотографу и отдала ему кассету с пленкой, отщелканной вчера.

Марина, памятуя о вчерашней трагедии, в суть которой ее наверняка посвятил Сергей Иванович, встретила меня понимающе-сочувственным взглядом. Я поприветствовала ее и прошла к Кряжковскому. Мудрый Кряжковский словно и не вставал из-за своего компьютера.

– Сергей Иванович, – кивнула я ему, – когда же вы научитесь работать всеми пальцами?

– Никогда, – усмехнулся мой зам, – мне этого не нужно.

– Не уступите ли мне машину? – Я подошла к столу. – Хочу сделать отчет о вчерашней вечеринке в «Немецком доме».

Естественно, он уступил, и следующие полчаса я провела перед экраном монитора. Когда работа была закончена, я встала, сказала Сергею Ивановичу, чтобы звонил мне только в крайнем случае, и вышла на улицу. У меня была цель. И этой целью был Иван. Было уже десять, и все нормальные люди в это время были на работе, но для успокоения совести я вначале заехала к нему домой. Он жил в двухкомнатной квартире, доставшейся ему от погибших родителей, которая находилась в кирпичной девятиэтажке на улице Рабочей. Я несколько раз была у него дома и на работе, когда заказывала ему вывеску для редакции. Дома его, как я и ожидала, не оказалось и, оседлав своего железного коня на резиновом ходу, я отправилась в школу, где он арендовал подвал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.